

Встречи с ведущими юристами России и зарубежья

Марина Агальцова, старший юрист Правозащитного центра «Мемориал»: «Как человек, который постоянно мечтает и идет за своими мечтами, скажу – нужно мечтать»

Марина Агальцова специализируется на обращениях в Европейский суд по правам человека, сложных делах по правам человека в российских судах, а также занимается поиском правды о советских репрессиях через суды.

Магистр международного права по правам человека (Центральный Европейский Университет, Венгрия), победитель конкурса «Лучшие по праву» (2019 г.), блогер (страницы Форбс, Эхо Москвы, Закон).

В 2019 году, спустя пять лет и двенадцать судебных процессов, Марина Агальцова добилась выплаты компенсации 600 жителям поселка Временный (Дагестан) за ущерб движимому имуществу, причиненный во время спецоперации 2014 года, для проведения которой всех жителей выселили из поселка, а по возвращении они обнаружили, что в домах не было полов, стен, потолков и окон, а вещи пропали или пришли в негодность.

С ЕСПЧ Марина работает по жалобам о насильственных исчезновениях, пытках и бессудных расстрелах.

Екатерина Казьмина: Марина, ты из достаточно небольшого городка – Троицк, Челябинской области. Получила высшее юридическое образование в Челябинске, в Южно-Уральском университете. Это, в общем-то, связывает тебя, меня и наших студентов: все мы получили образование в провинциальных вузах, однако ты продолжила учиться и дальше. В твой путь включено и обучение за рубежом. Кроме того, ты не останавливаешься и на настоящий момент.

Марина Агальцова: Я не останавливаюсь по той причине, что мне нравится заниматься непростыми делами, а для того, чтобы заниматься сложными делами, необходимо наращивать свой потенциал. Это означает, что я постоянно трачу время на изучение практики, в частности Европейского суда по правам человека, всегда обращаюсь к разным дополнительным курсам. Ведь жизнь ведет к тому, что постоянно возникают новые вопросы в юриспруденции или около юриспруденции, я стараюсь в это погружаться, постигать новое. Я порой даже думаю, что надо немного замедлить этот поток, т.к. тяжело быть одновременно соруководителем юридического направления в Правозащитном центре «Мемориал», заниматься процессами и все время самосовершенствоваться в профессии.



Е.К.: Расскажи чуть подробнее, где и чему училась

М.А.: Когда я училась в 10-11 классе, я помню, очень хотела заниматься международным правом. Сложно объяснить, почему, наверное, привлекали красивые иностранные слова, латинские термины. Все это казалось очень романтичным. Но я понимала, что я из обычной семьи, где недостаточно средств для оплаты обучения в Москве, я из маленького городка. Мне был также присущ комплекс маленькой девочки из провинции: «меня никто не ждет, кому я нужна...» Поэтому я приняла решение поступать на юридический факультет Челябинского университета (в наст. время – Южно-Уральский Федеральный университет) по результатам ЕГЭ (я уже попала под экспериментальную сдачу ЕГЭ). И там моя любовь к международному праву окрепла, что мне самой не вполне было понятным. Международное право казалось каким-то «космическим» правом, очень далеким от Челябинска. Но в университете были различные курсы, которые позволили мне мою страсть удовлетворять. Так, в вузе проходили заочные курсы Стэнфордского университета. Они были организованы для политологов, но мой интерес привел меня к ним, т.к. альтернативы им не было. На этих курсах я могла просто даже услышать, как звучит эта американская речь. Мы смотрели лекции, записанные на видео (еще на больших круглых бобинах), обсуждали их, сдавали экзамены. Так я и познакомилась с американской учебной культурой, а этот интерес и побудил меня посещать так называемый «американский уголок» в публичной библиотеке. Там я узнала, что можно попытаться выиграть стипендию для обучения за рубежом, и я решила попробовать. Первая попытка была неудачной, я не прошла даже отборочные испытания, а на второй год уже удалось подтянуть английский, сделать выводы из ошибок первого года, в результате чего отборочный тур я прошла. Потом прошла финальный тур и уехала учиться в США на год по программе обмена. Училась на программе по политологии, мне было интересным и важным увидеть, как там все работает в университете. За год я поняла, насколько отличны образовательные системы наших стран.

Е.К.: Что дало тебе обучение в США, кроме каких-то конкретных знаний в предметной области и в языке?

М.А.: Есть такое понятие как soft skills (мягкие навыки). Что представляла собой работа над курсовой на юрфаке в России? Обычно ты идешь в библиотеку, изучаешь разные точки зрения, уже на их основании делаешь курсовую работу. В США все было иначе, нас учили добывать знания самостоятельно. Например, целью моего исследования был анализ того, каким образом CNN освещает события в Ираке, когда США вторглись в эту страну, в особенности в сравнении с тем, как аналогичные действия СССР в отношении Афганистана освещались телевидением Советского Союза. Важно было отразить, насколько отличаются подходы в этих странах. Мы

говорили на тот момент о свободе прессы в США в противовес прессе СССР, поэтому это было интересным. Забавно, но я пришла к выводам о том, что оба государства использовали аналогичный нарратив: CNN не отражало, какие бедствия испытывало гражданское население, телевидение США точно так же оправдывало действия властей, говорило о строительстве больниц и т.п. То есть мое исследование показало, что несмотря на разность систем, государства действуют аналогичным образом, один и тот же подход к освещению военных действий на территории иных государств. И в процессе работы над проектом затрачивалось очень много времени: необходимо было смотреть новости, транскрибировать их, перевести на один общий язык – английский, а потом уже сопоставить. Это требует колоссальных усилий и времени, но я поняла, что этот навык добычи информации имеет важное значение. И более того, курсовые работы исчезали в небытие, в то время как эта работа была упомянута на сайте Организации Объединенных Наций, то есть была использована и за пределами учебного курса. Это имело большое значение для меня и в укреплении веры в себя. И я поняла, что навык работы с информацией, да и soft skills в целом, – то, что меня увлекает.

После учебы в США я вернулась в Россию с целью закончить экстерном 4 курс, который я пропустила, я не планировала оставаться в Америке, хотя многие ребята там оставались, к тому же сложились личные привязанности, в том числе романтические. На пятом курсе я уже определилась с тем, что буду продолжать свое обучение в магистратуре. Тогда я уже понимала, что международное право не так уж далеко и нереально, оно гораздо ближе. Магистратуру я выбрала в Будапеште – Центральном Европейском университете, обучение составило год.

Е.К.: При этом почувствовала ли ты разницу между американским образованием и европейским?

М.А.: Разницы особенной не было, т.к. этот университет выстроил систему образования по подобию американского. Система разделения на модули, подходы к обучению – они были уже мне знакомы. Мне нравились экзамены по принципу «open book» (с открытыми книгами, компьютерами). Если сравнивать Центральный Европейский университет с нашим образованием, то здесь отличия серьезные. В наших вузах, как видится, предпринимаются попытки передать как можно больше знаний. Так, в курсе международного права мы рассматривали огромное число его аспектов, в том числе космическое и иное право... У меня была отметка «отлично», но при этом я не имела представления о том, что такое «*opinio juris*» (с лат. – «мнение права» – признание обычного правила в качестве нормы права, придающее ему легитимность, наделяющее его авторитетом и юридической силой). В Центральном университете делается упор на самостоятельный поиск информации, примеров. Так, например, необходимо было найти конкретные примеры таких правил, ставших «*opinio juris*». При этом заимствование таких примеров из учебника будет воспринято в качестве плагиата. Видится, что во

многих вузах движение в сторону такого преподавания есть. В частности, через moot court (имитации судебных процессов во время занятий). Это оставляет, как мне кажется, гораздо больше информации и формирует навыки у студентов гораздо быстрее.

Е.К.: Совершенно согласна, мы тоже пытаемся уйти от старых подходов. Так, в командах готовим жалобы в тот же Европейский суд по правам человека, разыгрываем заседания Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского суда по правам человека и т.д. Не могу сказать, что всем это легко дается, в том числе преподавателям, и не буду скрывать, что преподавателю не всегда удается быстро перестроиться и найти новые подходы, но постепенно пытаемся эту ситуацию менять. Такая практика в вузы приходит.

Итак, что же было после Будапешта? Как оказалась в «Мемориале»? Ведь это известная крупная международная организация.

М.А.: В «Мемориале» я оказалась не сразу. Во время обучения в Будапеште одна из моих профессоров порекомендовала меня Ольге Борисовне Сидорович, руководителю Института права и публичной политики, в котором впоследствии мне довелось работать. Для меня это было новым интересным и ценным опытом. Сама работа в Институте, да и сам факт работы в Москве в области прав человека, был для меня пределом мечтаний. Я работала в качестве координатора по проекту Международного Банка реконструкции и развития. Однако мне хотелось больше юридической работы, а работа координатором предполагает в большей степени секретарскую работу. Я проработала два года, после чего решила уходить в бизнес, попробовать себя в новой сфере, в новом аспекте юридической работы. Так я попала в швейцарскую юридическую компанию «Экштайн и партнеры», где я занималась и обращениями в ЕСПЧ, и сопровождением деятельности швейцарских компаний в России. Через год я перешла в компанию, занимающуюся вопросами международного арбитража «AstapovLawyers». Я думала, что буду заниматься международным арбитражом, но я также активно занялась вопросами сделок, стала юристом М&А. Это очень сложная работа, но как оказалось, она была совершенно не моим делом. Я помню, как сопровождала сделку по приобретению алкогольной компании, где я встретила с юристом противоположной стороны. Он произвел впечатление потрясающе подкованного, в противовес мне, еще совершенно в этом неопытной, оперировал разнообразными терминами. И я поняла, что если я останусь в этой сфере, то лет через двадцать буду именно таким юристом. Но в этот момент я представила, что на моих похоронах люди скажут о том, сколько сделок по приобретению водочных компаний я сопровождала... Но наверное, это не то, чего бы мне хотелось по итогу моей жизни. И я написала одному из своих руководителей письмо в тот же вечер о том, что я хотела бы работать в области прав человека. Этот человек работал до прихода в нашу компанию в Европейском

суде по правам человека, в настоящее время выступает агентом Украины в ЕСПЧ. Он содействовал передаче моего резюме от человека к человеку, в результате чего оно оказалось в «Мемориале». И вот уже пятый год я тут работаю.

Е.К.: В «Мемориале» ты ведешь потрясающие своей серьезностью, масштабностью и эмоциональной насыщенностью дела. Уточню, что одно из дел, например, касалось выплат компенсаций 600 жителям поселка Временный Республики Дагестан ущерба, причиненного движимому имуществу военнослужащими Российской Федерации во время проведения спецоперации. Расскажи подробнее о деле.

М.А.: Дело Временного было первым делом по моему приходу в «Мемориал». Я начала в нем копать, т.к. на момент моего обращения к нему дело каким-то образом «варилось в собственном соку» уже два года. Осенью 2014 года проводилась спецоперация в поселке Временный в горной части Дагестана. После прихода военных на эту территорию в течение пары дней всех жителей выселили на полтора месяца, никого не пускали в поселок, в свои дома. В ноябре людям было разрешено вернуться. Войдя в поселок, его жители увидели, что все было разрушено: в домах, квартирах сняты потолки, полы, стены. Движимое имущество исчезло, либо варварски использовано. Например, из одежды были изготовлены чучела. Повсюду наблюдались акты вандализма, например, разрублен Коран, повсюду на стенах присутствовало изображение нацистских символов, оскорбительных надписей, то есть наблюдалось очевидное глумление. Порядка 500 человек военнослужащих находились в период операции в поселке, на них возлагалась ответственность за сохранность имущества. То есть все дает основание говорить о том, что кроме военных никого в этом поселке не было и быть не могло. Безусловно, это было сильнейшим потрясением для жителей. Заранее были подготовлены кареты скорой медицинской помощи, т.к. понимали, что увиденное станет ударом для людей.

Сперва, около двух лет, мы пытались добиться возбуждения уголовного преследования в отношении инкогнито со стороны государства, но информации добиться было невозможно, т.к. спецоперация предполагала государственную тайну. Мы сталкивались с противоположными точками зрения: в то время как следственные органы утверждали об отсутствии составов преступления, суды не соглашались с ними и признавали прекращение уголовного дела неправомерным. Впоследствии было принято решение об обращении в Европейский суд по правам человека, однако необходимо сперва было исчерпать национальные средства защиты. При этом не совсем очевидно, какие же инстанции в настоящем случае будут достаточными, тем более что такие иски заявлялись, но решения нас не удовлетворяли. Нам отказывали во взыскании средств из казны, даже несмотря на то, что аналогичные дела были рассмотрены в пользу заявителей. Министерство финансов при этом не давало комментариев,

почему в отношении иных заявителей поступало иначе. Так, мы дошли до Верховного Суда России, где, в общем-то, утвердились, что это неверный путь. И здесь мы приняли решение о необходимости обжалования действий должностных лиц.

Е.К.: То есть вы приняли решение об изменении предмета разбирательства?

М.А.: Да, совершенно верно. Мы понимали, что будет крайне сложно. Во-первых, в числе органов, к которым мы обращались, было пять органов, каждый со своими особенностями, со своими порядками согласования тех же списков пострадавших. Так, мы поэтапно начали проходить все инстанции: местную администрацию, органы власти Республики Дагестан... Нам пришлось обращаться с жалобой и на их действия, только в одном из дел присутствовало более 130 заявителей.

Е.К.: Кажется, что даже собрать данные от 135 граждан очень непросто.

М.А.: 130 это еще совсем немного, сейчас у меня порядка 500 истцов, а может, и более 1000. Я сейчас тоже веду дагестанское дело, расскажу о нем во время следующей встречи. Конечно, это большая работа, но берешь и делаешь.

В первом суде мы проиграли этот иск по абсолютно странным причинам. Мы обжаловали это решение в Верховный Суд Республики Дагестан и предали публичной огласке в СМИ этот процесс, в результате чего документы были подписаны, но вновь возвращены нам в связи с наличием технических ошибок, что означало возвращение к самому началу и необходимости согласования со всеми органами власти по новому кругу. Но мы это с честью прошли вновь и дошли до Министерства финансов Российской Федерации, которое заявило о том, что истек срок давности. «Вы опоздали на три года», – вот что мы услышали. Кроме того, Минфин продолжал какое-то время создавать для нас проволочки, запрашивая документы, которые в соответствии с законодательством не должны быть запрошены, то есть налицо было затягивание процесса. После многочисленных обращений в Правительство Российской Федерации совершенно неожиданно в ноябре МЧС Дагестана сообщает мне, что все согласовано и подготовлено распоряжение Правительства России, в результате чего к концу декабря мои доверители получили выплаты. Пусть они были небольшими и составляли от 50 000 до 100 000 рублей на человека, но между тем этот результат имеет большое значение.

Е.К.: Действительно, это дает все-таки надежду на то, что можно добиваться результата, пусть и тяжелым и длительным трудом. Полагаю, неоднократно посещали мысли, что не получится?

М.А.: Конечно, такие мысли были, они уже достаточно прочно укоренились в нас. Мы сталкивались с этим глобальным сопротивлением, и порой опускались рук. Ты понимаешь, что, по сути, ты один на один с могущественным государственным аппаратом, который гораздо сильнее тебя. Отмечу интересный факт, в «Мемориале» мы готовим пресс-релизы по факту больших дел, событий. Так, я готовила заранее пресс-релиз перед процессом в Верховном Суде Республики Дагестан, ожидая, что нашу апелляционную жалобу не удовлетворят. В момент нахождения в апелляционной инстанции я слышу о принятии решения в нашу пользу, что удивило невероятно.

Е.К.: Это действительно большой успех, дающий надежду на то, что защиту можно найти и внутри государства. И наверняка есть не один пример этому, в то время как, конечно, огромное число дел с участием государства заведомо проигранны.

М.А.: Мне было очень важно, чтобы люди, борющиеся уже шесть лет, поняли, что в целом это возможно, что не нужно терять надежду. Я понимаю, какой ущерб был причинен. Люди в горном районе очень непростые. И, если они будут видеть, что государство не готово защищать их права, то риск противостояния этому государству увеличивается, люди могут уходить в различные бандформирования и противостоять такой власти. Аналогичный процесс мы наблюдаем в Италии, уровень развития мафии на юге этой страны очень высок именно из-за недоверия к власти, к ее работе. Куда будут обращаться мои доверители, если мы не отстоим их права? Для меня важным в этой победе было то, что такая возможность есть.

Е.К.: Марина, это очень энергозатратное дело, как и другие, которые ты ведешь. Оно связано с высоким уровнем эмоциональной вовлеченности, переживаний твоих доверителей в связи с утратой опоры в виде своего дома и того, что было создано ими в течение долгих лет. Как удастся с этими эмоциями работать, как удастся не присоединиться самой к ним и в то же время в определенной степени разделять эти чувства? Как сохранить себя при этом?

М.А.: Это крайне сложный вопрос. Мне кажется, что юристы, занимающиеся подобными делами, на самом деле, во многом движимы этими эмоциями. Я понимала, что конкретно в этом деле я иду против течения, по сути, стою на месте. И это вызывает эмоции той же интенсивности, что и у самих пострадавших. Я понимаю, что все мои дела сложные, я вообще не берусь за простые дела, но не все сложные дела можно выиграть. Мне важно, чтобы дело было уникальным и новым. Поэтому я действую исходя из этих установок, изначально допуская, что может что-то не получиться. При этом я понимаю, что я права, что людям необходима моя помощь и поддержка, поэтому я могу хоть немного, но что-то сделать.

Е.К.: В этом и твой ресурс, как я понимаю?

М.А.: Да, мне важно, чтобы дело было мне интересным. Я, как ребенок, который учится ходить: падает, ударяется, испытывает боль, злится, переживает, плачет. У меня примерно такая же технология: я иду, падаю, плачу. Мои доверители очень переживают, мы проводим периодически сессии жалоб на жизнь, но, тем не менее, идем дальше, дальше и дальше.

Е.К.: Я бы очень хотела обсудить с тобой вопросы, связанные с советскими репрессиями. Это вопросы, как мне кажется, достаточно новые для нашей современности. С другой стороны, это те вопросы, которые в той или иной степени касаются очень многих наших граждан. При этом мы еще не до конца знаем и понимаем, что на самом деле происходило. Многие до сих пор сомневаются в том, что репрессии вообще имели место быть. Как вы пришли к этим делам? Как тебе кажется, какие перспективы в этих делах?

М.А.: С «Мемориалом» я была знакома еще в школьный период. Как известно, «Мемориал», в первую очередь, в 1989 году основывался как организация, занимающаяся вопросами советских репрессий.

Е.К.: Насколько мне известно, именно «Мемориал» создал базу данных репрессированных в период советской власти?

М.А.: В начале 90-х годов архивы были открыты, что дало возможность реабилитировать существенное число граждан. Но в середине 90-х архивы вновь стали закрываться. Даже историкам очень сложно вести свою работу в архивах. И историки, работающие в «Мемориале», стали все чаще обращаться к нам в Правозащитный центр с жалобами на невозможность получить те или иные документы. Еще в 11 классе школы я участвовала в историческом конкурсе «Мемориала», история всегда была мне интересна. И я увлеклась и этими вопросами, уже работая в «Мемориале».

Так я начала работать по делу актера Георгия Шахета, желающего получить доступ к делу своего нереабилитированного деда, расстрелянного в 1933 году по «закону о трех колосках» (*постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»* – прим.ред.). Но с делом ознакомиться ему не давали. Я стала готовить дело для Конституционного Суда России, т.к. надежда на то, что в судах общей юрисдикции мы результат получим, была крайне невысока. Мы дошли до Верховного Суда, который неожиданно принял это дело для рассмотрения в судебном заседании. А это признак того, что в 95 % случаев дело выигрывается. Здесь мы уже понимали, что шанс на победу высок. Но как же мы были удивлены, увидев, что представитель Министерства внутренних дел Российской Федерации встает и заявляет о

поддержке кассационной жалобы, и признает тот факт, что его коллеги неверно применили закон. Мы с моей коллегой из петербургской «Команды 29» Анной Фоминой были поражены признанию факта МВД России своей ошибки. Суд последовал за мнением представителя МВД и сразу обязал предоставить доступ к материалам дела деда Шахета. Это было первым делом, выигранным в суде, после чего к нам стали приходить исследователи, подсвечивающие новые проблемы. Так, например, МВД стало обеспечивать доступ к материалам, в то время как ФСБ по-прежнему доступ не предоставляет. Сейчас мы обжалуем подобные отказы по ФСБ. Во многих делах при этом присутствует государственная тайна: так мы проиграли пока в первой инстанции дело по Харбинской операции, в рамках которой были арестованы около 1200 человек, 700 из которых были расстреляны. Важно отметить, что все расстрелянные были реабилитированы, государство признало свою неправоту, но между тем, дела так и не предоставляются под предлогом того, что государственную тайну составляют имена тех, кто осуществлял это правосудие и приводил приговоры в исполнение. Причем в других архивах эти же имена не засекречены, а в ФСБ находятся под государственной тайной. Мы эти имена уже знаем, но ФСБ так и не раскрывает этой информации.

Е.К.: Возможно, это связано с опасениями за жизнь и безопасность потомков этих людей?

М.А.: Да, я это понимаю, но прошло уже почти 100 лет. Уже не найти этих потомков. Более того, не все участвовавшие в этих процессах смогли все это вынести и просто покончили свои жизни самоубийством. В 90-е годы это имело несколько иное звучание, сейчас уже эти опасения не обоснованы. А сейчас, по сути, разглашение таких данных может повлечь за собой уголовное преследование, вплоть до лишения свободы на 16-18 лет. Московский городской суд признал подобное засекречивание обоснованным.

Е.К.: Какие перспективы у дела? Пойдете с ним и дальше?

М.А.: Да, пойдём дальше, тем более, что ситуация кажется нелепой, когда ты имеешь иные документы с этими же открытыми именами и подписями, но в конкретных архивах они по-прежнему составляют тайну. Главное, что это не даёт возможности работать историкам.

Е.К.: Наверное, для наших судебных органов все эти процессы новые и вызывают опасения?

М.А.: Действительно, таких исков мало, вероятность того, что обычный гражданин, получив отказ в ознакомлении с материалами делами, пойдет в суд, мала. У него просто нет инструментов для этого, а у нас они есть. Мы

можем братья за эти дела, у нас есть эксперты-историки, оказывающие нам серьезную помощь.

Е.К.: Важную часть в твоей работе занимают и обращения в Европейский суд по правам человека, в том числе и по непростым, тяжелым «чеченским» делам. Как с ними работаете?

М.А.: Да, по ним работаете очень тяжело. Во-первых, просто потому, что в Чечне вообще работать крайне тяжело. В Дагестане работать гораздо легче и безопаснее. Кроме того, люди в Чечне боятся судиться против региональной власти, да и против государства в целом. В то время как дел могло бы быть много, сейчас их практически нет.

Е.К.: Насколько успешны дела, которыми ты занималась ранее? Я имею в виду «чеченские» дела.

М.А.: Чеченские дела, которые мы просуживали, они все успешны, мы имеем высокий уровень выигранности дел. Если речь идет о действиях федеральных войск, региональные власти достаточно охотно с нами сотрудничают, предоставляют документы, информацию. Мы имеем много официальных данных о проведении спецопераций – как они планировались, какой ущерб был причинен. Дела военного периода успешны, государство выплачивает все компенсации и исполняет решения.

Е.К.: Государство, видится, не особенно и возражает в таких делах?

М.А.: Да, мне удивительно, что на стадии коммуникации в ЕСПЧ государство часто предоставляет все материалы уголовных дел, возражения сводятся, по сути, к формальным аспектам жалобы (истечение срока обращения в ЕСПЧ и т.п.). Часто государство и по пыткам, и по исчезновению людей не возражает, что, конечно, удивляет: зачем дошли до ЕСПЧ, ведь можно было все решить в России?

Е.К.: Наверное, верят, что не каждый обратится в Европейский суд. Но между тем факт признания государством своих ошибок тоже важен. Озвучу вопрос от наших зрителей: «С уважением отношусь к Вашей деятельности. Однако хотелось бы услышать Вашу правовую позицию по факту признания «Мемориала» иностранным агентом».

М.А.: «Мемориал» никогда не отрицал факт получения финансовых средств из-за рубежа. Так, например, получая средства от Европейской Комиссии, мы просто обязаны информацию об этом размещать на сайте, и это всегда соблюдалось. Но термин «иностранная агент», на наш взгляд, связан не только с финансированием, в советский период этот термин употреблялся в отношении шпионов, и это совершенно не о «Мемориале».

Наша организация не является шпионом, чьим-то агентом, сам термин, мы полагаем, абсолютно незаконен. Часто он используется на таких каналах, как НТВ, для того, чтобы полить грязью. Это наша позиция, в российских судах эту позицию пока отстаивать не удалось. Надеемся, что скоро Европейский суд оценит множество жалоб от наших организаций.

Е.К.: Мы тоже будем ждать с интересом этого решения. Оно, безусловно, может сказаться на нашем законодательстве и правоприменительной практике. Надеемся, что оно будет носить характер «пилотного» постановления.

М.А.: «Пилот» здесь мало возможен, но надеемся, что эти дела будут схожи с делами о митингах, будут рассмотрены в силу их важности достаточно быстро, т.к. за любую публикацию без указания на то, что организация является иностранным агентом, полагается штраф около 300 000 рублей. Отсутствие маркировки, представляется, несерьезным правонарушением, однако штрафы колоссальные.

Е.К.: Принцип соразмерности, кажется, нарушен в таком случае. Марина, уже пройдя такой интересный и непростой путь, какие советы ты дала бы студентам-юристам?

М.А.: Как человек, который постоянно мечтает и идет за своими мечтами, скажу – нужно мечтать. Раньше я мечтала о том, чтобы заниматься международным правом, и оно казалось недоступным, но теперь я этим занимаюсь. Мой путь говорит о том, что нужно мечтать и много работать, чтобы эти мечтания стали реальностью. Второе, я очень жалею, что, несмотря на наличие «красного» диплома, в действительности, я очень мало взяла из периода обучения в университете, мне пришлось многое учить заново, например, гражданское право. Студентам надо пытаться впитывать информацию, как губка, и обязательно пробовать себя в самых разных направлениях и начинаниях. Так, например, ряд направлений вообще не отражаются еще в университете, но вы уже сами можете нарабатывать знания и навыки самостоятельно.

Е.К.: Какие неюридические навыки и знания, на твой взгляд, необходимы сейчас?

М.А.: Конечно, все должны изучать иностранный язык, который дает большие карьерные перспективы, это первое. Второе, необходимо учиться находить, анализировать и преподносить информацию. Вижу, что часто студенты не умеют писать и аргументированно излагать свои мысли. Но может и не сложиться первого впечатления, если вы не смогли обосновать в письменной форме свои доводы. Среди юристов есть, как кажется, два типа успешных: первые – некие «решала», которые могут запугать, пригрозить,

испугать и быстро все разрешить (но это не мой вариант), а есть другой вариант – уметь говорить с другой стороны, выслушивать другие доводы и аргументы.

Совет студентам от Марины Агальцовой, оставшийся за кадром.

Час интервью кажется приличным временем. Перед каждым интервью я думаю, что я могу так долго рассказывать? Но когда интервью начинается, вдруг понимаю, что время летит, как гонщик на немецком автобане, и рассказать получается далеко не все.

Меня иногда спрашивают, а надо ли изучать международное право, если российским судам оно, как правило, неинтересно. Мой ответ – надо! Иногда оно пригождается, чтобы выиграть дело.

Когда ушла из юридической фирмы, денег стало не хватать. Тогда наряду с «Мемориалом» решила брать сторонних клиентов, а именно консультировать иностранцев по семейному и трудовому праву. Опыт был, английский и французский тоже. Первый клиент пришел с проблемой весьма типичной, он перестал жить с партнершей, с которой был общий ребенок, партнерша перестала пускать его к ребенку, поэтому он хотел через суд определить порядок общения.

«Легкие деньги», – подумала я и взяла дело. Но как только пошли в суд, поняла, что не тут-то было. И партнерша, и мой доверитель были иностранцами. В России они проживали уже лет шесть, здесь же и работали. У них была рабочая виза, но не было ни разрешения на временное проживание, ни российского гражданства. Ребенок тоже не был гражданином России. Наши суды отказывали в принятии иска, говорили, что нет юрисдикции спор рассматривать, так как ребенок и родители иностранцы. Российские суды полагали, что для того, чтобы спор рассмотреть, нужно хотя бы разрешение на временное проживание.

Мы, конечно, доказывали, что иск подается по месту жительства, что место жительства – это место, где человек постоянно или временно проживает, но без толку. Суды говорили, что иностранцы имеют место жительства в России только тогда, когда они здесь постоянно или временно проживают, а для этого они должны хотя бы получить разрешение на временное проживание. Если человек проживает по визе (хотя много лет и по факту постоянно), российские суды не могут рассматривать такие дела.

Тогда я стала рыться в международном праве. Ну, это ж бред, что говорили российские суды!

После долгих поисков обнаружила Конвенцию о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей. На тот момент Россия к ней недавно и как-то незаметно присоединилась, о подписании и ратификации я не слышала.

Когда изучала Конвенцию, даже не верила своему счастью. Она идеально подходила к спору и обязывала именно российские суды рассмотреть наше дело. Апелляция и первая кассация на Конвенцию никак не отреагировали, зато Верховный суд России жалобу принял к рассмотрению и признал решения нижестоящих судов незаконными по тому основанию, что они не учли положения указанной выше Конвенции. Вот вам международное право в действии! Дело стало прецедентным и попало в обзор практики Верховного суда Российской Федерации.

Так что учите международное право. Иногда оно оказывается очень полезным.